



DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.6>

UDC 902.01
LBC 63.4(2)

Submitted: 09.02.2023
Accepted: 17.04.2023

REVISITING RECONSTRUCTION OF THE EARLY NOMADIC SOCIAL STRUCTURE: CHILDREN'S BURIALS (SOUTHERN URALS, 6th – 3rd CENTURIES BC)¹

Natalia A. Berseneva

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation;
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The study concerns the children as one of the social and demographic age groups that formed the early nomads' social structure. Burials of two chronological periods were studied: Sauromatian (late 6th – first half of 5th centuries BC) and Early Sarmatian (late 5th – 3rd centuries BC). The basis of the study was the materials of 26 kurgan burial grounds that contained anthropological identifications. The sample consisted of 139 individuals' remains from 125 grave pits. Then, an analysis of the grave goods was carried out according to the following age categories: 1) younger children's age group (from birth to 2 years); 2) older children's age group (from 2 to 10 years old); 3) "teenagers" (from 10 to 15 years old). The study has demonstrated that the Sauromatian sample was characterized by a small number of buried infants and toddlers; the bulk of the buried children were from 2 to 15 years old, and the group of "teenagers" was quite significant. The Early Sarmatian sample, on the contrary, demonstrated a significant number of infants among the deceased children, the number of burials of children from 2 to 10 years of age just slightly exceeded the number of infants. The group of "teenagers" was relatively small. The distribution of grave goods according to age groups in the Sauromatian and Early Sarmatian samples cannot be compared due to the small number of Sauromatian burials with the determination of the age-at-death. In general, in the Sauromatian burials, gender-linked items appeared only from adolescence (after 10 years). In the early Sarmatian sample, two main socially significant age groups of children were distinguished: from 0 to 5 years and from 5 to 15 years old. The first is characterized by the absolute predominance of gender-neutral accompanying grave goods and a high proportion of burials without surviving artefacts. The second group reflects the process of gender and age socialization.

Key words: Southern Urals, early nomads, children's burials, social structure, grave goods, age groups.

Citation. Berseneva N.A., 2023. К реконструкции сotsial'noy struktury rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (VI–III vv. do n.e.): detskie pogrebeniya [Revisiting Reconstruction of the Early Nomadic Social Structure: Children's Burials (Southern Urals, 6th – 3rd Centuries BC)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 85-99. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.6>

УДК 902.01
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 09.02.2023
Дата принятия статьи: 17.04.2023

К РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (VI–III вв. до н.э.): ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ¹

Наталья Александровна Берсенева

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация;
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. Исследование обусловлено необходимостью изучения детской возрастной группы как одной из социально-демографических общностей, формирующих социальную структуру ранних кочевников. Изучались погребения двух хронологических периодов: савроматского (конец VI – первая половина V в. до н.э.) и

раннесарматского (конец V – III в. до н.э.). Базой исследования послужили материалы 26 курганных могильников по которым имелись антропологические определения. Выборка составила 139 индивидов из 125 могильных ям. Далее был проведен анализ погребального инвентаря по следующим возрастным категориям: 1) младшая детская возрастная группа (от рождения до 2 лет); 2) старшая детская возрастная группа (от 2 до 10 лет); 3) «подростки» (от 10 до 15 лет). Савроматская выборка характеризуется малым количеством погребенных младенческих возрастов: основная масса погребенных детей – от 2 до 15 лет, и группа «подростков» достаточно значительна. Раннесарматская выборка, напротив, демонстрирует значительное количество среди умерших детей индивидов до 2 лет, количество погребений детей от 2 до 10 лет несколько превышает количество младенцев. Группа «подростков» относительно малочисленна. Распределение инвентаря по возрастным группам в савроматской и раннесарматской выборках сравнить невозможно из-за малого количества савроматских погребений с определением возраста смерти. В целом в савроматских погребениях гендерно-различительный инвентарь появляется лишь с подросткового возраста (после 10 лет). В раннесарматской выборке выделяются две основные социально значимые возрастные группы детей: от 0 до 5 лет и от 5 до 15 лет. Первая характеризуется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвентаря и высокой долей погребений без сохранившихся предметов. Вторая группа отражает процесс гендерной и возрастной социализации.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, детские погребения, социальная структура, сопроводительный инвентарь, возрастные группы.

Цитирование. Берсенева Н. А., 2023. К реконструкции социальной структуры ранних кочевников Южного Урала (VI–III вв. до н.э.): детские погребения // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 85–99. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.6>

Понятие «социальная структура» было заимствовано археологической наукой из социологии, где впервые было предложено Г. Спенсером в конце XIX века. Несмотря на то что это понятие достаточно аморфно и не имеет единого определения, большинство социологов сходятся на том, что «социальная структура» «представляет собой совокупность устойчивых и упорядоченных связей между объективно существующими общественными классами, социальными группами и общностями людей» [Социология]. Социальная структура, таким образом, отражает дифференциацию общества на группы людей по различным признакам: 1) общности, образованные на различии отношения к средствам производства (классы); 2) общности на основе разделения труда (социально-профессиональная дифференциация); 3) общности, возникшие на базе культурно-исторической самобытности (этнос); 4) территориальные общности (поселение, город); 5) социально-демографические (пол, возраст); 6) социально-политические институты (наука, семья); 7) религиозные общности.

Разумеется, археологическому изучению доступны не все социальные группы древности, и не все перечисленные выше социальные общности уже сформировались на Южном Урале в эпоху раннего железа. Первые опыты реконструкции древних социальных струк-

тур ранних кочевников на основании анализа археологических данных относятся к началу XX в., и с тех пор это направление продолжает развиваться как в отечественной, так и зарубежной науке. Историография этого вопроса чрезвычайно обширна, поэтому далее мы ограничимся лишь упоминанием работ, непосредственно связанных с целями и задачами предлагаемого исследования.

Данная работа обусловлена необходимостью изучения детской возрастной группы как одной из социально-демографических общностей, формирующих социальную структуру ранних кочевников.

Дети являлись самой многочисленной возрастной группой в древних обществах, поэтому их изучение для реконструкции социальной структуры представляется необходимым. Работ по изучению детских погребений ранних кочевников степной полосы Евразии становится все больше [Балабанова и др., 2015; Балабанова, 2017; Бейсенов и др., 2017; Савельев, 2019; Синика и др., 2018], но их количество и географический охват до сих пор остаются неудовлетворительными. Из всего перечисленного только работы М.А. Балабановой и соавторов являются комплексными исследованиями, проведенными на большом объеме материала, остальные статьи рассматривают частные случаи.

Следует напомнить также, что автором данной статьи 10 лет назад в соавторстве с А.Х. Гильмитдиновой была проведена работа по изучению детских погребений ранних сарматов Южного Урала [Берсенева, Гильмитдинова, 2013; Гильмитдинова, 2013]. С тех пор источниковая база значительно возросла, были раскопаны и опубликованы новые памятники, половозрастные определения стали нормой. Стало актуальным дополнение базы данных, расширение хронологических рамок исследования и, соответственно, ревизия предложенных ранее выводов.

Целью настоящей работы является изучение детской возрастной социальной группы кочевого населения Южного Урала в эпоху раннего железа (конец VI – III в. до н.э.) на основе археологических источников. Изучались погребения двух хронологических периодов: савроматского (конец VI – первая половина V в. до н.э.) и раннесарматского (конец V – III в. до н.э.).

В нашей работе мы опирались на самое простое трехчастное деление жизненного цикла, принятое в демографии: «невзрослые», или «дети» (до 15 лет), «взрослые» и «старшие взрослые» (после 45–50 лет) [Chamberlain, 2006, p. 16]. Таким образом, в категорию *дету* были включены все индивиды, чей возраст смерти не превышал 15 лет. Эта группа характеризуется физической и социальной незрелостью, зависима от взрослых; ей присущ самый высокий уровень смертности среди всех возрастных классов. Далее, для удобства анализа, внутри этой общей возрастной группы были выделены несколько более узких групп: 1) младшая детская возрастная группа (от рождения до 2 лет); 2) старшая детская возрастная группа (от 2 до 10 лет); 3) «подростки» (от 10 до 15 лет) (см. подробнее: [Lewis, 2011, table 1]).

Источники

Источниковая база по ранним кочевникам Южного Урала очень велика, раскопаны и опубликованы сотни, если не тысячи погребений. Тем не менее далеко не все публикации могильников снабжены антропологическими определениями. Особенно это касается, разумеется, материалов раскопок сере-

дины и отчасти второй половины XX века. Детских погребений и так сравнительно немного в курганах сарматского и особенно савроматского времени, поэтому остается только сожалеть, что погребения из таких крупных могильников, как Новый Кумак или Филипповка 1 выпадают из анализа. Предложенная работа базируется на опубликованных данных могильников, где возраст останков был определен антропологами. Захоронения без точного определения возраста смерти, отнесенные к детским на основании размера костяка, могут быть учтены лишь на уровне поиска общих отличий между детскими и взрослыми захоронениями, но для анализа детских захоронений по возрастным группам использовать их невозможно. Нужно добавить, что в ряде публикаций, несмотря на то что материал обрабатывался антропологами, точный возраст некоторых погребенных детей не приводится из-за плохой сохранности костей или по иным причинам. Таким образом, было принято решение включить в выборку только материалы могильников, с останками из которых работали антропологи, включая и те погребения, где возраст детей не удалось определить. Полностью разрушенные погребения, где невозможно было определить принадлежность погребального инвентаря, были исключены. Для анализа погребений по возрастным группам использовались только захоронения детей с определениями возраста в годах.

Базой исследования послужили материалы 26 курганных могильников и отдельных курганов: Увакский, Мечетсай [Смирнов, 1975]; Бердянский V [Моргунова, Мещеряков, 1999]; Болдырево I и IV [Краева, 1999]; Лебедевка 5, 6 и 7 [Железчиков и др., 2006]; Покровка 1, 2, 7, 8 и 10 [Веддер и др., 1993; Яблонский и др., 1994; 1995; 1996; Яблонский, Малашев, 2005]; Прохоровка [Яблонский, 2010]; Шумаевский II [Моргунова и др., 2003]; Кичигино I [Гильмитдинова, 2013; Loyer et al., 2013]; Старые Кишки [Федоров, 2011]; Переволочан I [Сиротин, 2010]; Переволоцкий [Моргунова и др., 2016]; Филипповка 1 [Яблонский, 2008; 2014]; Авласовские курганы [Сиротин, 2013]; Второе Имангулово II [Моргунова и др., 2022]; Яковлевка I [Федоров, Васильев, 1998]; Дружининский [Гаиров, 2019];

Маровый Шлях [Таиров, 2006]; Сапидулак [Мамедов, Китов, 2015].

Таким образом, 139 скелетов из 125 могильных ям принадлежали индивидам до 15 лет (возраст смерти в годах определен для 107).

Детские погребения (0–15 лет). Савроматский период

Выборка детских погребений савроматского времени составила 19 индивидов. К сожалению, очень большой процент детских погребений из этой и без того скромной выборки не имеет определения точного возраста в годах (шесть погребений, или 31,6 %) (рис. 1). Это, безусловно, делает дальнейшие выводы ограниченными, но позволит охарактеризовать группу в общих чертах и провести сравнительный анализ с раннесарматскими погребениями.

Из того, что мы видим на диаграмме, можно заключить, что в савроматской выборке количество детей, умерших в возрасте до 2 лет, очень невелико. Подростков 10–15 лет, напротив, слишком много, обычно эта категория является самой малочисленной. Не совсем ясно, чем объясняется такой странный демографический профиль – малым размером выборки или особенностями погребального обряда этого периода.

В отношении особенностей погребального обряда савроматские детские погребения характеризуются сравнительным однообразием типов внутримогильных конструкций. Типологически могильные ямы делятся на подбойные ямы (2) и простые ямы (16), включающие одно захоронение, впущенные в насыпь.

Детские погребения, как правило, локализуются на периферии подкурганного пространства. Большинство детей было захоронено в индивидуальных могильных ямах. В выборке есть всего одно парное детское захоронение из могильника Покровка 10, основное и единственное в кургане 38 [Яблонский, Малашев, 2005, с. 170–171]. Известно также, что в коллективных центральных савроматских усыпальницах хоронили как взрослых, так и детей. К сожалению, они почти все разграблены [Loyer et al., 2013].

Сопроводительная пища в савроматских детских погребениях представлена частями

туш мелкого рогатого скота (пять случаев), единожды были обнаружены кости собаки. В шести погребениях были поставлены лепные сосуды.

Детские погребения (0–15 лет). Раннесарматский период

Перейдем к характеристике детских захоронений раннесарматского периода (120 индивидов из 107 могильных ям). Нужно отметить, что 26 погребенных (21,7 %) не имеют точного определения возраста, таким образом, этот показатель несколько ниже, чем в савроматской выборке (рис. 1 и 2).

Рисунок 2 демонстрирует значительное количество среди умерших детей индивидов до 2 лет (38 индивидов). Количество погребенных детей старшей детской группы (от 2 до 10 лет) несколько превышает количество младенцев (42 индивида), но эти различия незначительны и могут нивелироваться теми захоронениями, где возраст не установлен. Группа «подростков» относительно малочисленна и составляет 14 индивидов.

Коснемся основных характеристик детских захоронений. Конструкции могильных ям раннесарматского времени более разнообразны по сравнению с савроматскими. Преобладают простые ямы (64 ямы), из которых три погребения были впущены в насыпь, далее по встречаемости следуют подбойные конструкции (38 ям) и катакомбы (17 ям). Таким образом, довольно значительное количество детей погребалось в раннесарматское время в могильных ямах сложной конструкции и большой глубины: 55 могил устроены в подбоях и катакомбах (46,2 %), что достаточно много, так как для взрослых этот процент составляет примерно 47,1 %. В 11 случаях были зафиксированы подстилки из органики или растительных материалов, единично зафиксировано покрывало или гробовище из коры дерева.

Преобладают индивидуальные погребения – 72 могильные ямы. 29 ям являются парными, в них дети погребены зачастую вдвоем, или вместе с взрослым, чаще с женщиной, но есть примеры и погребений с мужчиной. В могильных ямах маленьких детей иногда укладывали в специальные ниши или клали поверх взрослого костяка. Дети также иногда

да входили в состав крупных центральных коллективных усыпальниц. В нашей выборке их насчитывается шесть. Дети в них погребены вместе с взрослыми.

Сопроводительная пища часто встречается в детских захоронениях. В подавляющем большинстве детям клали мясо барана. 37 (30,8 %) погребенных сопровождалась частями туши мелкого рогатого скота, в трех случаях зафиксированы кости лошади, в одном случае – крупного рогатого скота.

Керамическая посуда была зафиксирована в 56 детских погребениях (около 50 % от всех могильных ям). Кроме лепных сосудов, коллекция содержит четыре гончарных экземпляра и несколько деревянных чаш.

Анализ инвентаря

Анализ инвентаря состоял в определении для каждого *непотревоженного* погребения одного из четырех «ансамблей» артефактов: *оружие, украшения, нейтральный и без инвентаря*. Этот подход вполне оправдал себя при анализе погребальных памятников с преимущественно индивидуальными погребениями при небольшой доле парных и коллективных, где очевидна принадлежность инвентаря [Берсенева, 2010]. Каждому погребению был присвоен свой «ансамбль артефактов» на основании комплекса вещей, содержащихся в могильной яме. «Оружие» – при наличии предметов вооружения, «украшения» – при большом количестве украшений, но без оружия. «Нейтральный» означал гендерно-нейтральный инвентарь (посуда, кости животных, детали одежды и быта), при отсутствии предметов из первых двух наборов. Погребения без сохранившегося инвентаря получили «ансамбль» «без инвентаря». Для этого анализа были привлечены *все детские не потревоженные* погребения, в том числе и без определения точного возраста смерти (19 погребений для савроматского периода и 120 для раннесарматского).

Савроматская выборка демонстрирует, что индивиды, умершие в возрасте до 15 лет, в подавляющем большинстве случаев не сопровождалась гендерно-различительными предметами (например, оружием или значительным количеством украшений) (8 инди-

видов, 42,1 %), либо погребались вообще без вещей (так же 8 индивидов, 42,1 %). Только 15,8 % могил (3 индивида) включали инвентарь, позволяющий предположить мужской или женский пол ребенка (рис. 3).

В тех случаях, где мы располагаем антропологическими определениями, гендерно-различительный инвентарь был положен во всех случаях с подростками около 14 лет, и это были предметы вооружения: колчаны со стрелами и железный кинжал. Исключение составила лишь одна могильная яма, где ребенку 2–4 лет был положен браслетик из бронзовой проволоки.

В *раннесарматский период* пятая часть (24 погребения) детских могил (20 %) достоверно не содержала сохранившегося погребального инвентаря (рис. 4). В 59 (49,2 %) погребениях были найдены лишь посуда, кости животных, некоторые мелкие предметы. Всего, таким образом, практически 70 % (69,2 %) детей раннесарматского периода были захоронены в сопровождении гендерно-нейтрального инвентаря, или совсем без предметов.

Оружия в детских захоронениях крайне мало (12 погребений, 10 %), чаще всего предметы вооружения клали в могилы детей старше 5 лет. Украшения обнаружены в 25 захоронениях (20,8 %), в подавляющем большинстве это бусины или украшения из них. В отличие от предметов вооружения, украшения присутствуют в детских погребениях с самого раннего возраста, но более разнообразные и богатые наборы встречаются у детей старше 5 лет.

Анализ инвентаря по возрастным категориям

Объем *раннесарматской выборки* с определениями возраста смерти детей (94 индивида) позволяет провести *анализ артефактов* (ансамблей), связанных с различными возрастными группами (рис. 5).

Младшая детская возрастная группа (0–2 года). 38 индивидов. Эта серия погребений характеризуется наибольшей скромностью сопроводительного инвентаря или его полным отсутствием (12 ансамблей «без инвентаря» и 18 «нейтральных», всего 78,9 %).

Шесть погребений (15,8 %) содержали украшения (стеклянные бусы, золотые бляшки и пронизи). Предметы, связанные с вооружением, обнаружены в двух могильных ямах (5,3 %) и представлены тремя наконечниками стрел и маленьким железным кинжалом.

Старшая детская возрастная группа (2–10 лет). 42 индивида. В захоронениях этой группы количество безынвентарных погребений значительно снижается, по сравнению с младшей, насчитывается лишь шесть ансамблей «без инвентаря». Гендерно-нейтральный погребальный инвентарь отражают 20 ансамблей. Таким образом, 61,9 % погребений этой группы захоронены с «нейтральным» набором или без инвентаря. Лишь в шести погребениях (14,3 %) встречены предметы вооружения. Это преимущественно наконечники стрел, в трех случаях – колчаные наборы. Зафиксирован также кинжал, наконечник дротика и железный меч. В десяти погребениях (23,8 %) встречены наборы «украшения», включающие в основном большое количество бус, но присутствуют и золотые предметы – браслеты, подвески, пронизи, височное кольцо.

Попробуем теперь разбить старшую детскую возрастную группу (2–10 лет) еще на две, чтобы понять, есть ли какой-то возрастной порог, по достижении которого в детских погребениях начинают встречаться гендерно-различимые наборы «оружие» и «украшения».

В результате кросс-культурных этнографических исследований более чем 50 традиционных обществ из разных частей света антропологами было установлено, что детей начинают систематически приобщать к труду и возлагать на них определенные обязанности примерно в возрасте 5–7 лет, когда ребенок начинает осознавать свою ответственность и способен понимать поставленные перед ним задачи [Rogoff et al., 1975]. В этом возрасте взрослые делегируют детям (а дети принимают) такие обязанности, как забота о младших, уход за животными, работа по дому и собирательство (растительной пищи, хвороста и т. д.). Дети также становятся ответственными за свое социальное поведение, начинают воспринимать культурные традиции и правила поведения, принятые в их обществе. С этого возраста от них ожидается поведе-

ние, соответствующее их гендерным ролям [Rogoff et al., 1975, p. 367].

Опираясь на эти исследования, мы также выбрали порог в 5 лет и получили еще две группы: от 2 до 5 лет (старшая группа 1) и от 5 до 10 лет (старшая группа 2).

Старшая детская возрастная группа 1 (2–5 лет). 13 погребенных. У двух погребенных не было сопроводительного инвентаря, а девять сопровождалось нейтральными предметами (всего 84,6 %). Лишь в двух погребениях содержались украшения – бусины и подвески, захоронений детей этого возраста с оружием нет.

Старшая детская возрастная группа 2 (5–10 лет). 29 погребенных. В четырех захоронениях инвентаря не было, «нейтральных» ансамблей насчитывается 11 (51,7 %). Шесть захоронений содержали оружие (20,7 %), категории которого уже упомянуты выше, в восьми зафиксированы украшения (27,6 %).

«Подростки». 14 погребенных. В трех погребениях не было обнаружено сопроводительного инвентаря, в пяти ансамбль был «нейтральным» (всего 51,1 %). Два погребения содержали украшения, однако, весьма скромные – несколько бусин, ожерелье из бусин и височное кольцо. Четыре погребения содержали предметы вооружения – два железных меча, кинжал, наконечники стрел.

Обсуждение

В статье рассматриваются две различающиеся по хронологии выборки детских погребений ранних кочевников – савроматская и раннесарматская. Выборки, к сожалению, не равновесны количественно и качественно, что отчасти отражает общую картину памятников Южного Урала, где захоронения савроматского периода, в принципе, более малочисленны по сравнению с раннесарматскими. Тем не менее мы видим, что подавляющее большинство савроматских детских погребений характеризуются скудным инвентарем или его отсутствием, гендерно-различительные наборы появляются только в подростковом возрасте (рис. 2).

В раннесарматский период ситуация представляется более сложной. Несмотря на оче-

видную недопредставленность детских захоронений в могильниках Южного Урала, в выборке отражены основные возрастные группы. Относительно большое количество определенных возраста позволило увидеть динамику и вариативность снабжения детей погребальным инвентарем. Интересным кажется сравнение результатов, продемонстрированных в статье 2013 г. [Берсенева, Гильмитдинова, 2013] и приведенных в настоящем исследовании. Общие черты, характеризующие детскую выборку и отличающие ее от взрослой, ожидаемо не изменились. Это более простой обряд погребения, преобладание нейтральных наборов сопроводительного инвентаря, относительно большой процент погребений без инвентаря, части туш мелкого рогатого скота в качестве сопроводительной пищи.

Увеличение размера раннесарматской выборки с 92 скелетов (2013 г.) до 120 (2023 г.) радикальных корректив в предыдущее исследование не внесло. Анализ инвентаря, сопровождающего погребенных различных возрастных групп, показывает, что предложенный нами в 2013 г. порог в 5 лет, после которого идет резкое увеличение доли гендерно-различительных наборов «оружие» и «украшения», представляется обоснованным (рис. 5). Кроме того, расширяется и ассортимент сопроводительного инвентаря. Появляются бронзовые зеркала, пряслица, костяные гребни и ложки, железные ножи. Увеличение выборки только подтвердило этот вывод. Следовательно, размер выборки достаточен для уверенных заключений, и ее дальнейшее увеличение принципиально ничего не изменит.

По-прежнему не прослеживается динамика увеличения доли гендерно-различительных наборов от младшего возраста (5 лет) к старшему (15 лет), что представлялось бы логичным. Возможно, чтобы поставить точку и в этом вопросе, увеличение выборки возраста от 10 до 15 лет было бы полезным.

Вышедшие не так давно работы М.А. Балабановой позволяют провести сравнение с соседним регионом – Нижним Поволжьем [Балабанова, 2017]. Хронологически раннесарматские памятники Поволжья несколько более поздние, чем уральские, и датируются II–I вв. до н.э. М.А. Балабановой была изучена серия из 132 погребений пяти могильников

этого периода. По подсчетам автора, дети составляли до 48,5 % от всех погребенных на могильниках. Отсюда М.А. Балабанова делает вывод, что «погребальная практика курганов-кладбищ позволяла в раннесарматское время хоронить всех детей под курганами» [Балабанова, 2017, с. 66]. Эта ситуация совершенно не похожа на существовавшую на Южном Урале в конце VI – II в. до н.э., где лишь небольшая часть детей захоранивалась в курганных могильниках. Достаточно отметить, что наша выборка раннесарматского времени (120 индивидов) включала погребения из 23 могильников. Количество детских погребений по южно-уральским памятникам может сильно варьировать в зависимости от размера и степени исследованности памятника, но нигде не превышает 20 % от всех погребенных. Так, в комплексе могильников Лебедевка [Железчиков и др., 2006] из 82 захороненных детских погребений было всего 11 (13,4 %). Единичны детские погребения и в крупном некрополе Филипповка [Яблонский, 2008; 2014; и др.]. Далее дети младенческого возраста в Поволжье составляют половину детской серии и примерно треть от всех погребенных, что позволяет М.А. Балабановой сделать вывод о «наличии стандартной картины распределения детской смертности по возрастным группам исследуемой общности» [Балабанова, 2017, с. 67]. В уральских памятниках мы ничего подобного не наблюдаем, особенно в савроматской выборке. Распределение вещевых наборов в памятниках Поволжья демонстрирует уверенную тенденцию сокращения доли безынвентарных погребений от младших возрастов к старшим [Балабанова, 2017, с. 69]. Уральские памятники также показывают подобную тенденцию, но, как это было отмечено и ранее [Берсенева, Гильмитдинова, 2013, с. 41], постепенного увеличения доли гендерно-различительных вещевых наборов («оружие» / «украшения») в группе от 5 и далее до 15 лет не происходит. М.А. Балабанова на своих материалах также отмечает порог в 5 лет, когда появляются наборы вещей, которые можно связать с гендером ребенка. Это хорошо соотносится с нашими выводами по памятникам Южного Урала.

Таким образом, сравнение наших результатов с Поволжьем показывает разные прин-

ципы формирования могильников. Выборка М.А. Балабановой более однородна как хронологически, так и территориально, что, безусловно, облегчает ее понимание. Южно-уральская выборка разнородна, памятники в целом хронологически более ранние, временной диапазон растянут на несколько веков. Тем не менее основные выводы в целом совпадают, что позволяет предположить их методическую обоснованность.

Выводы

Общие заключения, вытекающие из проведенного анализа, представляются следующими: 1) детские погребения представлены на савроматских и раннесарматских памятниках Южного Урала недостаточно массово, на некоторых памятниках они единичны, что, конечно, не может отражать демографические реалии древности; 2) в целом детский обряд требовал меньших трудозатрат, инвентарь был более скудным, высока доля погребений без инвентаря, особенно для младшей возрастной группы (от рождения до 2 лет). Погребение ребенка было менее канонизированным процессом и, скорее всего, сугубо внутрисемейным делом.

Сравнивая савроматскую и раннесарматскую выборку, можно увидеть одно из главных отличий – малое количество погребенных младенческих возрастов в савроматское время. Основная масса погребенных детей – от 2 до 15 лет, и группа «подростков» достаточно значительна. Вероятно, для совсем маленьких детей выполнялись другие погребальные обряды, следов которых мы не находим.

Распределение инвентаря по возрастным группам в савроматской и раннесарматской

выборках сравнить невозможно из-за малого количества савроматских погребений с определением возраста смерти. Лишь увеличение выборки в будущем может помочь в решении этой проблемы.

Выводы по раннесарматской выборке в основном подтверждают ранее полученные результаты. По-прежнему выделяются две основные социально значимые возрастные группы невзрослых: от 0 до 5 лет и от 5 до 15 лет. Первая характеризуется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвентаря и высокой долей погребений без сохранившегося инвентаря. Вторая группа отражает процесс гендерной и возрастной социализации. Порог начала социализации в 5 лет получил подтверждение и на материалах Нижнего Поволжья.

Мы пока не имеем ответа на вопрос, по какому принципу некоторые дети получали гендерно-различительные наборы, а другие, даже достигнув подросткового возраста, погребались с нейтральными наборами или совсем без инвентаря. Можно предположить, что это зависело от благосостояния семьи, ее статуса (вертикальная социальная позиция), семейных традиций или разовых сентиментальных аспектов. Перспектива здесь видится в контекстуальном изучении «богатых» или сложных по устройству детских могильных ям, что, возможно, поможет очертить круг их отличий от более скромных погребений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20253, <https://rscf.ru/project/22-28-20253/>

This study was supported by RSF, project No. 22-28-20253, <https://rscf.ru/project/22-28-20253/>

ПРИЛОЖЕНИЯ

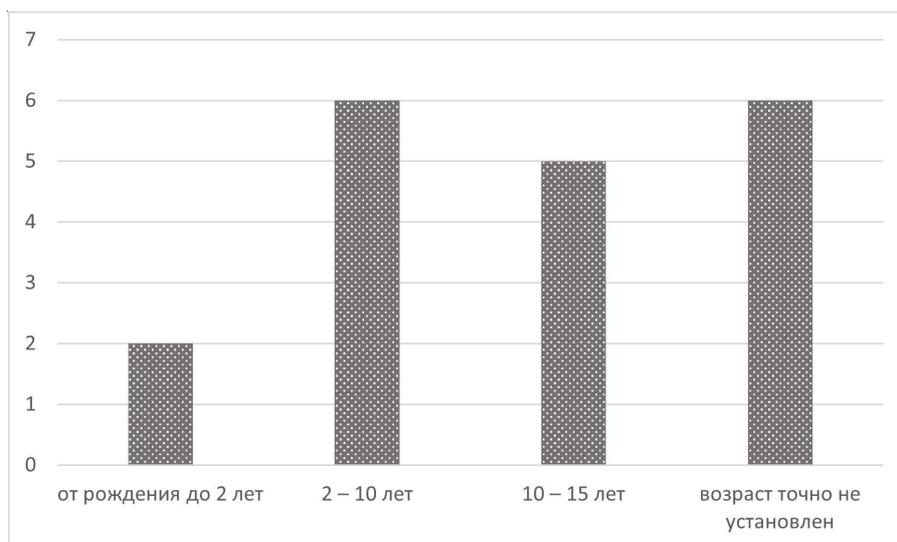


Рис. 1. Распределение погребенных по возрастным группам. Савроматский период
Fig. 1. Distribution of the children according to age groups. The Sauromatian period

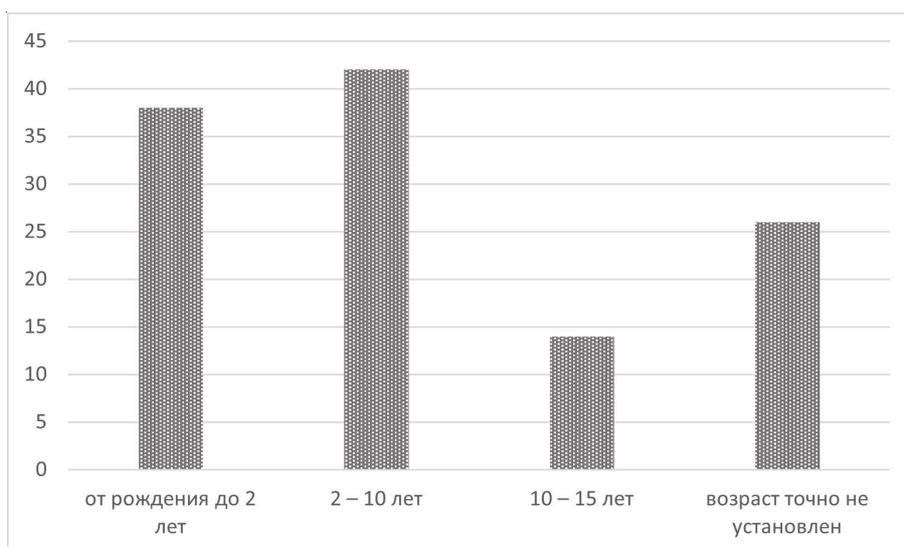


Рис. 2. Распределение погребенных по возрастным группам. Раннесарматский период
Fig. 2. Distribution of the children according to age groups. The Early Sarmatian period

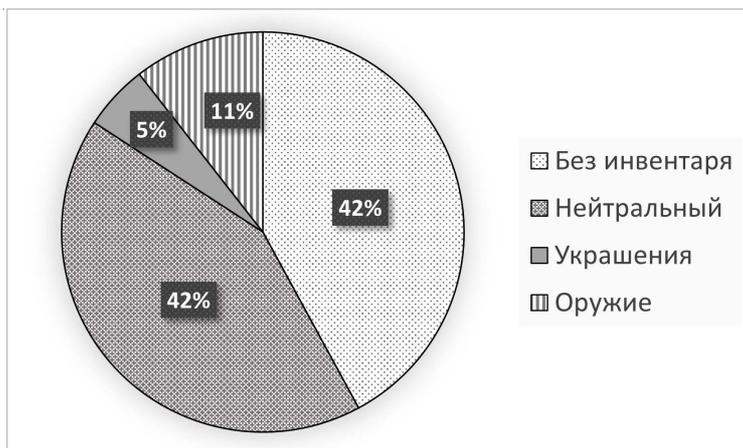


Рис. 3. Распределение «ансамблей артефактов». Савроматский период
 Fig. 3. Distribution of “artefact assemblages”. The Sauromatian period

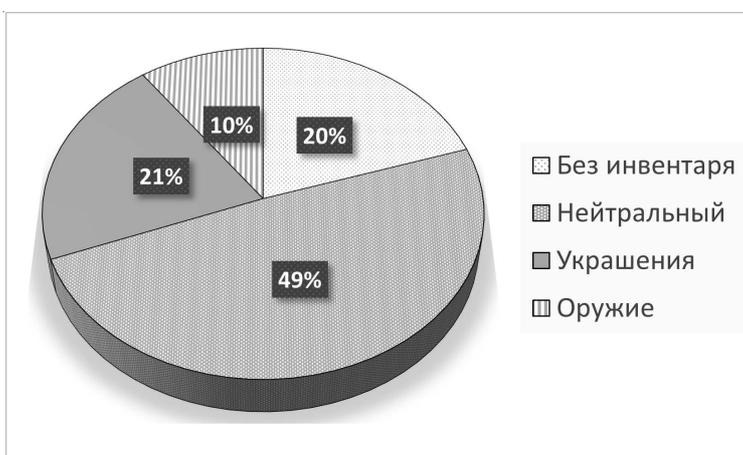


Рис. 4. Распределение «ансамблей артефактов». Раннесарматский период
 Fig. 4. Distribution of “artefact assemblages”. The Early Sarmatian period

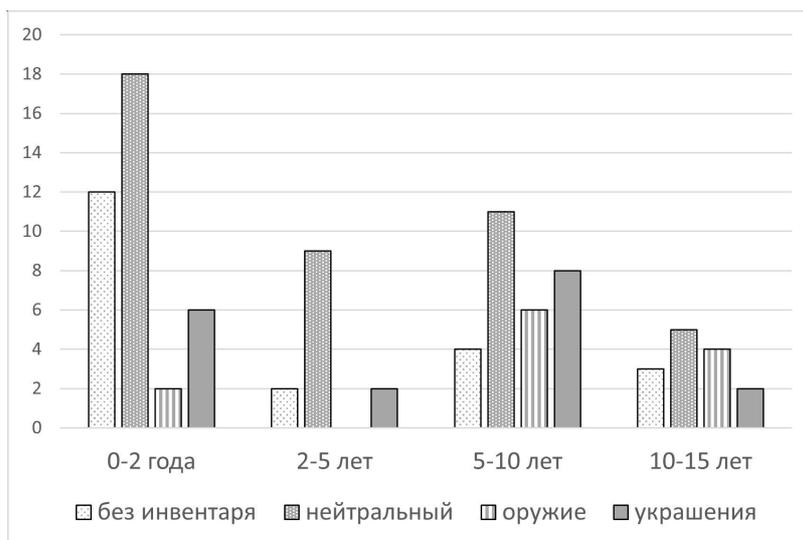


Рис. 5. Распределение «ансамблей артефактов» по возрастным группам. Раннесарматский период
 Fig. 5. Distribution of “artefact assemblages” according to age groups. The Early Sarmatian period

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С., 2015. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 272 с.
- Балабанова М. А., 2017. Морфология детских захоронений ранних кочевников Нижнего Поволжья (по материалам могильников раннесарматского времени) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16, № 1. С. 62–82. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.1.5>
- Бейсенов А. З., Базарбаева Г. А., Дуйсенбай Д. Б., 2017. Детские погребения сакской эпохи Центрального Казахстана // Самарский научный вестник. Т. 6, № 1 (18). С. 89–94.
- Берсенева Н. А., 2010. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (43). С. 72–81.
- Берсенева Н. А., Гильмитдинова А. Х., 2013. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (21). С. 36–44.
- Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л., 1993. Раскопки могильников Покровка 1 и Покровка 8 в 1992 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М. : ИА РАН. С. 18–55.
- Гильмитдинова А. Х., 2013. Детские погребения ранних кочевников на территории Южного Зауралья (VII в. до н.э. – II в. н.э.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Рифей. С. 135–139.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Вост. лит. 159 с.
- Краева Л. А., 1999. Памятники раннего железного века из западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та. С. 176–190.
- Мамедов А. М., Китов Е. П., 2015. Погребальный обряд ранних кочевников Верхнего Илека (по материалам могильника Сапидулак) // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. № 6 (304). С. 19–60.
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та. С. 124–147.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 392 с.
- Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Крюкова Е. А., Купцова Л. В., Харламов П. В., Файзуллин И. А., 2016. Переволоцкий курганный могильник в Оренбургской области: предварительные результаты исследования // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та. С. 21–51.
- Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Краева Л. А., Купцова Л. В., Крюкова Е. А., Файзуллин И. А., 2022. II Курганный могильник Второе Имангулово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та. С. 13–100.
- Савельев Н. С., 2019. Детские погребения кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. // Уральский исторический вестник. № 1 (62). С. 55–62. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62)
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра // Записки Института истории и материальной культуры РАН. № 18. С. 69–190. DOI: <http://doi.org/10.31600/2310-6557-2018-18-69-79>
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 323–337.
- Сиротин С. В., 2013. Катакомбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (37). С. 163–169.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 176 с.
- Социология. URL: <http://www.socioworld.ru/sworlds-566-1.html>
- Таиров А. Д., 2006. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа : Гилем. С. 76–91.

- Таиров А. Д., 2019. Памятники ранних кочевников на северо-восточной периферии сарматского мира // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.8>
- Федоров В. К., 2011. Курган 12 могильника Старые Кишки // Уфимский археологический вестник. № 11. С. 28–38.
- Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. № 11. С. 62–96.
- Яблонский Л. Т., 2008. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург : ОГПУ. С. 170–176.
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. 284 с.
- Яблонский Л. Т., 2014. Тридцатый курган могильника Филипповка 1 // Краткие сообщения Института археологии. № 236. С. 87–90.
- Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. Л., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М. : Ин-т археологии РАН. С. 4–56.
- Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В., 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : Ин-т археологии РАН. С. 9–47.
- Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В., Малашев В. Ю., 1996. Раскопки курганных могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М. : Ин-т археологии РАН. С. 7–48.
- Яблонский Л. Т., Малашев В. Ю., 2005. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. С. 149–213.
- Chamberlain A. T., 2006. *Demography in Archaeology*. Cambridge : Cambridge University Press. 235 p.
- Lewis M., 2011. The Osteology of Infancy and Childhood: Misconceptions and Potential // (Re) Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood. Oxford : Archaeopress. P. 1–13.
- Loyer J., Tairov A. D., Rottier S., Courtaud P., 2013. Bioarchaeology and Burial Rituals of the Iron Age Nomads from South Ural: First Results of the Study of the Kurgan 4 from Kichigino I Cemetery (Russia) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Рифей. С. 157–166.
- Rogoff B., Sellers M., Pirrotta S., Fox N. and White S., 1975. Age of Assignment of Roles and Responsibilities to Children: A Cross-Cultural Survey // Human Development. Vol. 18. P. 353–369.

REFERENCES

- Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S., 2015. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya: pogrebal'naya obryadnost' i antropologiya* [Sex and Age Structure of the Sarmatian Population in the Lower Volga Region: Funeral Rituals and Anthropology]. Volgograd, VolSU. 272 p.
- Balabanova M.A., 2017. Morfologiya detskikh zakhroneniy rannikh kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya (po materialam mogil'nikov rannesarmatskogo vremeni) [Morphology of Child Burials of Early Nomads in the Lower Volga Region (Based on Materials of the Burial Mounds of Early Sarmatian Time)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 16, no. 1, pp. 62–82. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.1.5>
- Beysenov A.Z., Bazarbaeva G.A., Duysenbay D.B., 2017. Detskie pogrebeniya saksКОЙ epokhi Tsentral'nogo Kazakhstana [Children Burials of the Saka Times in Central Kazakhstan]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Bulletin], vol. 6, no. 1 (18), pp. 89–94.
- Berseneva N., 2010. Pogrebal'nye pamyatniki sargatskoy kul'tury Srednego Priirtysh'ya: gendernyy analiz [Sargat Burial Sites in the Middle Irtysh Area: A Gender Analysis]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], no. 3 (43), pp. 72–81.

- Berseneva N.A., Gil'mitdinova A.Kh., 2013. Detskie pogrebeniya rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (IV–II vv. do n.e.) [Children's Burials of the Early Nomads in the Southern Urals (4th – 2nd Centuries BC)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], no. 2 (21), pp. 36-44.
- Vedder J., Egorov V., Davis-Kimball J., Morgunova N., Trunaeva T., Yablonsky L., 1993. Raskopki mogilnikov Pokrovka 2 i Pokrovka 8 v 1992 g. [Excavation of Pokrovka 2 and Pokrovka 8 Burial Grounds in 1992]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of the Left Bank of the River Ilek], iss. 1. Moscow, IA RAS, pp. 18-55.
- Gil'mitdinova A.Kh., 2013. Detskie pogrebeniya rannikh kochevnikov na territorii Yuzhnogo Zaural'ya (VII v. do n.e. – II v. n.e.) [Children's Burials of Early Nomads in the Territory of the Southern Trans-Urals (7th Century BC – 2nd Century AD)]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 135-139.
- Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergatskov I.V., 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (6th – 2nd Centuries BC)]. Moscow, Vost. lit. Publ. 159 p.
- Kraeva L.A., 1999. Pamyatniki rannego zhelezhnogo veka iz zapadnogo Orenburzh'ya [The Early Iron Age Sites from Western Orenburg Region]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 3. Orenburg, OGPU, pp. 176-190.
- Mamedov A.M., Kitov E.P., 2015. Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Verkhnego Iлека (po materialam mogil'nika Sapibulak) [Funeral Ceremony of Early Nomads from the Top Ilek (On the Materials of the Burial Ground of Sapibulak)]. *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan], no. 6 (304), pp. 19-60.
- Morgunova N.L., Meshcheryakov D.V., 1999. «Prokhorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorovka” Burials of Berdyanka V Kurgan Cemetery]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 3. Orenburg, OGPU, pp. 124-147.
- Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Kraeva L.A., Mescher'akov D.V., Turetskiy M.A., Khalyapin M.V., Khokhlova O.S., 2003. *Shumaevskie kurgany* [Shumaevskie Kurgans]. Orenburg, OGPU. 392 p.
- Morgunova N.L., Evgen'ev A.A., Kryukova E.A., Kuptsova L.V., Kharlamov P.V., Fayzullin I.A., 2016. Perevolotskiy kurgannyi mogil'nik v Orenburgskoy oblasti: predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya [Perevolotsk Kurgan Cemetery in the Orenburg Region: Preliminary Results of the Study]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 12. Orenburg, OGPU, pp. 21-51.
- Morgunova N.L., Evgen'ev A.A., Kraeva L.A., Kuptsova L.V., Kryukova E.A., Fayzullin I.A., 2022. II Kurgannyi mogil'nik Vtoroe Imangulovo [II Kurgan Burial Ground Vtoroe Imangulovo]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 16. Orenburg, OGPU, pp. 13-100.
- Savel'ev N.S., 2019. Detskie pogrebeniya kochevnikov Yuzhnogo Urala serediny I tys. do n.e. [Child Burials of the South Urals Nomads of the Mid-First Millennium BC]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 1 (62), pp. 55-62. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62)
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., 2018. Skifskiy kurgan s detskimi pogrebeniyami na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow with Children's Burials on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN* [Notes of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], no. 18, pp. 69-190. DOI: <http://doi.org/10.31600/2310-6557-2018-18-69-79>
- Sirotin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoi Bashkirii [Mound No. 11 from the Burial Mound Perevolochan in Zauralskaya Bashkiria]. *Arheologiya i paleoantropologiya evrazijskih stepej i sopredel'nyh territorij* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, TAUS Publ., pp. 323-337.
- Sirotin S.V., 2013. Katakombnye pogrebal'nye komplekсы IV v. do n.e. mogil'nika «Avlasovskie kurgany» iz Yuzhnogo Zaural'ya [Catacomb Funeral Complexes of the 6th Century BC of Burial Ground “Avlasovskie barrows” from South Trans-Ural Region]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], no. 11 (37), pp. 163-169.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ilege* [Sarmatians on the River Ilek]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Sotsiologiya* [Sociology]. URL: <http://www.socioworld.ru/sworlds-566-1.html>
- Tairov A.D., 2006. Saki Priaral'ya v stepyakh Yuzhnogo Zaural'ya (po materialam mogil'nika Marovyy shlyakh) [Sakas of the Aral Region in the Steppes of the Southern Trans-Urals (Based on the Materials of the Marovy

- Shlyakh Burial Ground)]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya* [Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time]. Ufa, Gilem Publ., pp. 76-91.
- Tairov A.D., 2019. Pamyatniki rannikh kochevnikov na severo-vostochnoy periferii sarmatskogo mira [The Sites of the Early Nomads on the North-East Periphery of the Sarmatian World]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 97-109. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.8>
- Fedorov V.K., 2011. Kurgan 12 mogil'nika Starye Kiishki [Kurgan 12 of the Starye Kiishki Burial Ground]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], no. 11, pp. 28-38.
- Fedorov V.K., Vasil'ev V.N., 1998. Yakovlevskie kurgany rannego zheleznogo veka v Bashkirskom Zaural'e [Yakovlevka Kurgans of the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], no. 11, pp. 62-96.
- Yablonsky L.T., 2008. Novye raskopki Filippovskogo mogil'nika i problema formirovaniya rannesarmatskoy kul'tury Yuzhnogo Priural'ya [New Excavations of the Filippovka Burial Ground and the Problem of the Formation of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshikh arkheologicheskikh otkrytiy»*, Orenburg, 21–25 aprelya 2008 g. [Early Nomads of the Volga-Ural Region: Materials of the International Scientific Conf. "Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries". Orenburg, April 21–25, 2008]. Orenburg, OSPU, pp. 170-176.
- Yablonsky L.T., 2010. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka: At the Source of Sarmatian Archaeology]. Moscow, TAUS Publ. 284 p.
- Yablonsky L.T., 2014. Tridtsatyy kurgan mogil'nika Filippovka 1 [Kurgan No. 30 of Cemetery Filippovka 1]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 236, pp. 87-90.
- Yablonsky L.T., Trunaeva T.N., Vedder J., Davis-Kimball J., Egorov V.L., 1994. Raskopki kurgannykh mogilnikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1993 g. [Excavation of Kurgan Cemeteries Pokrovka 1 and Pokrovka 2 in 1993]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of the Left Bank of the River Ilek], iss. 2. Moscow, IA RAS, pp. 4-56.
- Yablonsky L.T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu.V., 1995. Raskopki kurgannykh mogilnikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1994 godu [Excavation of Kurgan Cemeteries Pokrovka 1 and Pokrovka 2 in 1994]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of the Left Bank of the River Ilek], iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 9-47.
- Yablonsky L.T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu.V., Malashev V.Yu., 1996. Raskopki kurgannykh mogilnikov Pokrovka 1, 2, 7 i 10 v 1995 godu [Excavation of Kurgan Cemeteries Pokrovka 1, 2, 7 and 10 in 1995]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of the Left Bank of the River Ilek], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 7-48.
- Yablonsky L.T., Malashev M.Yu., 2005. Pogrebeniya savromatskogo i rannesarmatskogo vremeni mogil'nika Pokrovka 10 [Sarmatian and Early Sarmatian Burials from Burial Ground Pokrovka 10]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 7, pp. 149-213.
- Chamberlain A.T., 2006. *Demography in Archaeology*. Cambridge, Cambridge University Press. 235 p.
- Lewis M., 2011. The Osteology of Infancy and Childhood: Misconceptions and Potential. *(Re) Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood*. Oxford, Archaeopress, pp. 1-13.
- Loyer J., Tairov A.D., Rottier S., Courtaud P., 2013. Bioarchaeology and Burial Rituals of the Iron Age Nomads from South Ural: First Results of the Study of the Kurgan 4 from Kichigino I Cemetery (Russia). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urals* [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 157-166.
- Rogoff B., Sellers M., Pirrotta S., Fox N. and White S., 1975. Age of Assignment of Roles and Responsibilities to Children: A Cross-Cultural Survey. *Human Development*, vol. 18, pp. 353-369.

Information About the Author

Natalia A. Berseneva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Kovalevskaya St, 16, 620108 Yekaterinburg, Russian Federation; Senior Researcher, South Ural State University, Prosp. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation, bersnatasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2554-6205>

Информация об авторе

Наталья Александровна Берсенева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, 620108 г. Екатеринбург, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет, просп. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация, bersnatasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2554-6205>